

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ: ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЯВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Р. М. Ямилов

Сарапульский политехнический институт (филиал)
Ижевского государственного технического университета им. М. Т. Калашникова, Сарапул, Россия

Рассматриваются экономическая мифология, тождественность экономического знания. Выделены экономические предрассудки, экономические стереотипы, экономические мифы. Представлены признаки экономического предрассудка, экономического стереотипа, экономического мифа. Сопоставлены некоторые признаки экономического мифа, экономического стереотипа и экономического предрассудка. Предложена схема развития экономического мифа. Исследовано понятие «экономический миф». Дана авторская интерпретация понятия «экономический миф». Показаны экономический миф в широком смысле и экономический миф в узком смысле. Изложены основания возникновения экономического мифа. Введено понятие «нетождественное экономическое знание». Особое внимание уделено идеологическому искажению экономического знания. Описана идеологическая экономика.

Ключевые слова: миф, экономический миф, экономический стереотип, экономический предрассудок, экономическая идеология, идеологическая экономика.

Самое неоднозначное знание — экономическое знание из-за лабильности общественных отношений. Экономическое знание — это информационное отображение:

- общественных отношений в контексте экономических отношений;
- экономических отношений.

Далее используем концепцию [1]:

$$\text{SPOD-мир} \rightarrow \text{VUCA-мир}, \quad (1)$$

где SPOD-мир (SPOD-world) — мир, который предшествует VUCA-миру и который был устойчивым (steady), предсказуемым (predictable), простым (ordinary) и определенным (definite) [2; 3]; VUCA-мир (VUCA-world) — мир, представляющий собой изменчивый (volatility), неопределенный (uncertainty), сложный (complexity), неоднозначный (ambiguity) [4—6]¹.

Экономическое знание в SPOD-мире стабильно и актуально для пользователей в любой момент его использования, то есть управленческое решение при условии правильного выбора predetermined известных решающих факторов скорее будет верным, чем ошибочным.

¹ SPOD-мир в марксистской понятийной парадигме соотносится с уже состоявшимися общественными формациями, а VUCA-мир является переходным моментом между общественными формациями. Отметим, что существует определенная лакуна в изучении переходов между общественными формациями, что требует отдельных исследований.

В VUCA-мире экономическое знание неактуально и ошибочно уже в момент обращения пользователя к нему. Управленческое решение будет скорее ошибочным, чем верным, так как решающий фактор в любой момент может стать не критическим, а не критический фактор — решающим.

Экономическое знание может быть:

- истинным — совпадающим с реальными общественными отношениями, знание полностью информационно отражает (информационно тождественно) экономическому отношению

$$EK_t \stackrel{id}{=} ER, \quad (2)$$

где EK_t — тождественное экономическое знание (true economic knowledge); ER — экономическое отношение (economic relation); id — информационное отображение (information display);

- ложным — несовпадающим с реальными общественными отношениями, знание ошибочно относительно экономического отношения

$$EK_f \stackrel{id}{\neq} ER, \quad (3)$$

где EK_f — нетождественное экономическое знание (false economic knowledge).

Экономическое знание — сумма тождественного экономического знания и нетождественного экономического знания, отражающая экономическое отношение с той или иной достоверностью:

$$EK = (EK_t + EK_f) \stackrel{id}{\approx} ER, \quad (4)$$

где EK — экономическое знание (economic knowledge).

Управленческое решение, являясь функцией экономического знания, должно максимизировать тождественное экономическое знание и минимизировать нетождественное экономическое знание¹:

$$MD = f(EK) = \lim_{EK_i \rightarrow \infty} f(EK_i) + \lim_{EK_i \rightarrow 0} f(EK_i) \stackrel{id}{\approx} f(ER), \quad (5)$$

где MD — управленческое решение (management decision).

В управленческом решении критическое значение имеет нетождественное экономическое знание, определяющее его правильность/ошибочность.

Для идентификации феномена нетождественного экономического знания, являющегося экономическим мифом, проанализируем предпосылки формирования нетождественного экономического знания.

Нетождественное экономическое знание — ошибочное знание относительно экономического отношения.

Выделим:

— разовое нетождественное экономическое знание, воспроизводимое однократно;

— постоянное нетождественное экономическое знание, воспроизводимое неоднократно.

Как отмечает А. В. Горшков, работ, посвященных анализу экономических мифов, практически нет [7. С. 12].

Процесс создания экономического мифа будем считать экономической мифологией, результатом которой является экономический миф².

По А. В. Горшкову, экономический миф — форма экономического сознания, отражающего экономическую реальность в виде экономического вымысла. Экономический миф есть неадекватное отражение экономической реальности [Там же].

Так как человек не может выдумать что-то, вообще отсутствующее в мире, — таково свойство человеческого мышления³, — то вымысел в со-

циальных науках опирается на реальные факты, то есть вымысел — это авторская интерпретация какого-либо феномена⁴. При этом вымысел, поддерживаемый достаточно большой группой, может считаться объективным гуманитарным знанием.

А. В. Горшков, исходя из понимания мифа, заложенного в словаре С. И. Ожегова [8. С. 304] и Философском энциклопедическом словаре [9. С. 377]⁵, делает вывод, что экономический миф есть неадекватное отражение экономической реальности [7. С. 12]⁶. При этом А. В. Горшков цитирует А. Ф. Лосева, для которого миф — наивысшая по конкретности, максимально интенсивная и в высшей мере напряженная реальность [10. С. 393].

По С. М. Гуриевау, экономические мифы — это стереотипы, сформировавшиеся из повседневного опыта и информации, которая получена из разных, необязательно надежных источников, в том числе из устаревших учебников [11. С. 28].

Если исходить из устоявшегося определения стереотипа⁷, формулировка экономического мифа С. М. Гуриевым спорна, так как:

— экономический миф может быть достаточно сложно структурированным кластером эко-

мыслить только внутрисистемно, при этом человек не может полностью познать внутрисистемные закономерности по причине включенности самого человека в систему, тем самым система не может познать себя. Для того чтобы познать систему, необходимо выйти за пределы данной системы, следовательно, адекватно оценивать экономические отношения, являющиеся одним из аспектов человеческого взаимодействия, человек не может в принципе, как и выйти за пределы системы. Возможно, и есть примеры выхода человека за пределы системы, если судить по религиозным воззрениям, но в данном случае человек, вышедший за пределы системы становится непознаваемым для находящихся в системе.

⁴ Вымыслом можно считать и данную статью, поскольку она является авторской интерпретацией рассматриваемого явления.

⁵ Согласно которым миф — вымысел и/или способ понимания природной и социальной действительности на ранних стадиях общественного развития.

⁶ В дальнейшем А. В. Горшков дает определения экономического мифа как отраженной экономическим сознанием превращенной формы экономических отношений, характеризующихся их фетишизацией [7. С. 14], что, на наш взгляд, является примером марксистского идеологического искажения экономического знания.

⁷ Стереотип — это устойчивый, обычно упрощенный образ того или иного объекта (индивида, группы, события, факта и т. п.), воспроизводимый в сознании человека и определяющий его отношение к данному объекту [11].

¹ В формуле (5) предел тождественного экономического знания стремится к бесконечности, что может вызвать вопросы философского порядка относительно предела познаваемости вообще, но в рамках настоящей статьи примем данную формулу, в другом варианте формулы (5) предел тождественного экономического знания стремится либо к единице, либо к тождественному информационному отображению экономического отношения.

² Можно выделить два понимания экономической мифологии: процесс создания экономического мифа; устоявшаяся совокупность экономических мифов.

³ Исходя из системного подхода, человек не может мыслить внесистемно (засистемно) и оперировать внесистемными категориями относительно системы, в которой он находится (включен) по причине своей ограниченности данной системой, то есть он может

номического знания¹, принимаемым обществом и учеными;

— стереотипы по У. Липману — шаблоны, схемы, паттерны, образцы, помогающие ориентироваться в окружающей действительности и выполняющие функции «экономии мышления» и психологической защиты, поддерживая устойчивость субъективной картины мира индивида [13], то есть стереотип — модельное отражение реальности, позволяющее оптимизировать мыслительную и иную деятельность человека и эффективно взаимодействовать с миром, в том числе с экономической реальностью²;

— экономический миф — это устойчивое групповое ошибочное восприятие экономического отношения³, а стереотип — прежде всего способ реагирования, позволяющий ускорять коммуникативное внутригрупповое взаимодействие⁴.

¹ Любой миф — это логично построенная информационная картина мира, и мифом его делает в первую очередь смена схемы (способа) смыслового восприятия реальности, в основном через изменение понятийного аппарата — от образного понятийного аппарата к абстрактному понятийному аппарату — и языкового интерфейса, из-за чего возникает смысловая аберрация, что приводит к непониманию картины мира мифа и воспринимается как вымысел. Чтобы миф стал правдой, необходимо мыслить в том смысловом континууме, в котором данный миф создавался с помощью соответствующего смыслового интерфейса через полное погружение в соответствующий континуум. Любой вымысел основывается на реальных фактах, абсолютного вымысла человек придумать не в состоянии. Кроме того, общество и человек не могут продуцировать и воспринимать полностью новое знание. Для восприятия нового знания оно должно опираться на уже существующее знание, включать его в себя и составлять не более 10% в массиве транслируемого знания. Отсюда галилеевские плечи гигантов.

² У. Липман отмечал объективную ограниченность восприятия человеком реальности, когда непосредственные свидетели события не способны объективно описать то, что наблюдали, из-за чего описываемое событие является его видоизменением [13]. То есть человек мыслит моделями окружающей реальности, по причине как биологической ограниченности человека, так и его системной ограниченности познания реальности. Основной вопрос — насколько модель соответствует реальности.

³ Тем самым С. М. Гуриев должен был указать, что экономический миф — это ошибочный стереотип (и/или предрассудок).

⁴ Групповое взаимодействие мифологично и стереотипично по своей природе по причине достаточно устойчивого состояния реальности, соответственно, стабильного понятийного аппарата и устойчивого языкового интерфейса, что позволяет создавать устойчивые

Источники экономического мифа, по С. М. Гуриеву, предполагают формирование экономических

шаблонные схемы взаимодействия по тем или иным отношениям, которые в совокупности представляют собой определенную библиотеку стереотипов как коммуникативных схем, так и понятийного аппарата языкового интерфейса определенной социальной группы через механизм социализации. Для понимания данного тезиса выделим стереотипическое мышление, представляющее способ мыслительного реагирования на определенную ситуацию, минуя (исключая) критическое мышление и занимающее промежуточное положение между инстинктивным (бессознательным) мышлением и критическим (сознательным) мышлением. Следует отличать стереотипическое мышление, которое формируется через критическое мышление предыдущих поколений и наследуется от него, от стереотипного мышления, понимаемого, например, как личностная склонность строить свои рассуждения в замкнутом пространстве рамок довольно жестких и ограниченных понятий [14]. Библиотека стереотипов позволяет ускорить внутригрупповую коммуникацию и являться определенным конкурентным преимуществом данной группы. Возможно, библиотека стереотипов не формируется в процессе воспитания (социализации) в рамках определенной социальной группы, а автоматически загружается в наше сознание путем прошивки генно-культурной памяти людей в виде библиотеки стандартных программ общечеловеческих предрассудков [15]. Данную гипотезу подтверждает «перепрошивка» стереотипического мышления при переходе в другую социальную группу, то есть при переходе из одной социальной группы в другую социальную группу происходят формирование новой библиотеки стереотипов и дезактивация предыдущей с определенным наслоением библиотек стереотипов. При обратном переходе происходит активизация предыдущей библиотеки стереотипов с дезактивацией (выключением) активной на момент перехода библиотеки стереотипов, что позволяет быстро включиться в знакомое внутригрупповое взаимодействие. С позиции стереотипического мышления можно объяснить эффект Кассандры, возникающий не по причине невозможности изменить будущее (жестко детерминированное будущее), а по причине того, что Кассандра, находясь в уже состоявшихся социальных координатах, где она принцесса, резко изменила свою социальную роль, став провидицей, соответственно, групповое стереотипическое мышление определило это как выход за стереотипическую социальную роль и, следовательно, восприняло как блажь, которую стоит игнорировать, в то время как к пророкам, в случае если их воспринимают как пророков, относятся серьезно до сей поры. В определенной социальной группе человека воспринимают через присвоенную социальную роль по причине стереотипичности взаимоотношений. Изменить сложившуюся социальную роль в данной социальной группе достаточно сложно, проще перейти в другую социальную группу, где возможно присвоение иной социальной роли.

предрассудков, так как источники информации могут быть интерпретированы разными получателями информации различным образом, следовательно, интерпретации экономического знания изменчивы¹, то есть экономический предрассудок — индивидуальная интерпретация экономического отношения, экономический миф — длительно существующая групповая интерпретация экономического отношения. Может быть несколько интерпретаций экономического знания, которые пользователь считает достоверными².

По Е. В. Ушко, экономический миф — искаженное отражение реальных экономических процессов в виде псевдологичной системы фактов, позволяющее человеку иметь представление о происходящих в изменениях в экономической системе страны и мира [16].

Экономический миф (в продолжение рассуждений Е. В. Ушко):

— возникает (имеется) не только в отношении реальных экономических процессов, но и в отношении реальных экономических объектов, которые можно объединить в реальные экономические отношения;

— по своей структуре логичен и отражает когда-то существовавшее восприятие экономического отношения. Псевдологика, к которой можно отнести софистику, социальную инженерию и прочее, является краткосрочным способом манипулирования, использующим логику для построения манипулянтном необходимого ему отражения того или иного явления у манипулируемого. Миф существует до тех пор, пока существует хотя бы один носитель этого мифа, и может быть реанимирован в любой момент появившимися последователями;

— может существовать не только на уровне мегаэкономики (уровень мировой экономики) и макроэкономики (уровень экономики страны), но на других уровнях экономики.

По уровням экономики³ можно выделить мегаэкономические мифы, макроэкономические мифы, макроэкономические мифы, микроэкономические мифы и прочее, за исключением уровня наноэкономики, где формируются только личные экономические предрассудки.

Сопоставим признаки экономического мифа, экономического стереотипа и экономического предрассудка (табл. 1).

¹ Примером использования личных интерпретаций может служить индустрия моды и капитал известности.

² «Где два экономиста — три мнения» — афоризм, приписываемый Черчиллю.

³ Уровни экономики для данной классификации взяты из [17] (с. 77).

Таблица 1

Сопоставление некоторых признаков экономического мифа, экономического стереотипа и экономического предрассудка

Признак	Экономический миф	Экономический стереотип	Экономический предрассудок
Субъектный охват	Социум (цивилизация)	Социальная группа	Индивидуум
Предельный срок существования	Срок существования социума (цивилизация)	Срок существования социальной группы	Срок существования индивидуума
Объектный охват	Экономическое отношение и/или экономические отношения		Экономическое отношение

Примечание: разработано автором.

Развитие экономического мифа происходит по следующей схеме:

$$EP \leftrightarrow ES \leftrightarrow EM, \quad (6)$$

где EP — экономический предрассудок (economic prejudice); ES — экономический стереотип (economic stereotype); EM — экономический миф (economic myth).

Сначала возникает экономический предрассудок, формирующий индивидуальный экономический стереотип (индивидуальный экономический миф⁴), в случае его поддержки определенной социальной группой он переходит в групповой экономический предрассудок, формирующий групповой экономический стереотип (групповой экономический миф), в случае поддержки группового экономического предрассудка социумом (совокупностью социальных групп) групповой экономический стереотип переходит в социумный экономический стереотип (социумный экономический миф). Экономический стереотип обратим в экономический предрассудок, тогда как обратный переход экономического мифа в экономический стереотип невозможен по причине архетипичности экономического мифа.

При исследовании экономического мифа будем исходить:

⁴ Термин «экономический миф» применен в отношении экономических предрассудков и экономических стереотипов по причине устоявшегося понимания экономического мифа как любого заблуждения относительно времени существования данного заблуждения, что составляет широкий смысл данного термина. В узком смысле экономический миф, как любой миф, архетипичен с соответствующими признаками. В дальнейшем, если специально не оговорено, будем рассматривать экономический миф в широком смысле.

— из понимания мифа А. Ф. Лосевым как высшей по конкретности, максимально интенсивной и в высшей мере напряженной реальности, притом что миф — это диалектически необходимая категория сознания и бытия вообще [10. С. 393];

— позиции Е. М. Мелетинского, понимавшего под мифологией древнейший способ конципирования окружающей действительности и человеческой сущности, при этом мифический способ конципирования связан с определенным типом мышления, которое специфично для первобытного мышления в целом и для некоторых уровней сознания, в особенности массового, во все времена [18].

Определим экономический миф как нетождественное экономическое знание, формируемое в виде устойчивого кластера нетождественного экономического знания относительно экономического отношения (экономических отношений).

Рассмотрим некоторые причины возникновения экономического мифа.

Формационное¹ несоответствие экономического знания и экономического отношения, которое приводит к нетождественному экономическому знанию²:

$$EK_f = (EK_{Fn} \stackrel{id}{=} ER_{Fn}) \neq ER_{Fm}, \quad (7)$$

где EK_{Fn} — экономическое знание экономического отношения одной формации; ER_{Fn} — экономическое отношение данной формации; ER_{Fm} — экономическое отношение другой формации.

¹ Отметим, что формация является достаточно условной абстракцией, поскольку в ее основе лежат некоторые общественные, в том числе экономические отношения, приоритетные и определяющие для автора той или иной концепции формации. Тем самым формация является определенным экономическим мифом. Фактически, если рассуждать в рамках формационных подходов, одновременно существуют все формации, так как существуют все экономические отношения, являющиеся основаниями выделения формаций, начиная от первобытнообщинных отношений, рабовладения и далее; например, в рамках Российского государства можно территориально выделить доминирующие формации: постиндустриальная формация Москвы, феодальная формация кавказских регионов, первобытнообщинная формация малых народов Севера и т. д. Одним из доказательств данного тезиса является существование феномена многоукладной экономики.

² Формационный подход был выбран по причине его достаточной известности в российской экономической школе. Можно применить и иные подходы, например, используя модель перехода (1) можно представить несоответствие экономического знания SPOD-мира и экономического отношения VUCA-мира следующим образом: $EK_f = (EK_{SPOD-мир} \stackrel{id}{=} ER_{SPOD-мир}) \neq ER_{VUCA-мир}$ (8).

Формационное несоответствие возникает в случае применения экономического знания экономического отношения определенной формации в отношении экономического отношения другой формации.

Пример формационного несоответствия экономического знания — применение российским государством меркантилистического подхода, типичного для феодальных экономических отношений, в условиях капиталистической формации³ в части бюджетного процесса через накопление «кубышки», обеспеченное положительным сальдо внешней торговли и урезанием общественных трат вместо инвестирования в реальный сектор, характерное для постфеодальных экономических отношений⁴.

Несоответствие экономического знания экономического отношения одной национальной экономики экономическому отношению другой национальной экономики:

$$EK_f = (EK_{NEn} \stackrel{id}{=} ER_{NEn}) \neq ER_{NEm}, \quad (8)$$

где EK_{NEn} — экономическое знание экономического отношения национальной экономики; ER_{NEn} — экономическое отношение национальной экономики; ER_{NEm} — экономическое отношение другой национальной экономики.

Данное несоответствие происходит в случае буквальной трансдукции экономического знания одной национальной экономики в другую.

Пример данного несоответствия — все западное и иное экономическое знание, буквально внедряемое в российское общество⁵, в том числе неудачные попытки буквальной трансдукции японской концепции бережливого производства в россий-

³ Если исходить из общепринятого заблуждения, что Россия строит капиталистическую формацию или вернулась в нее, так как экономические отношения, формируемые на наших глазах, не относимы ни к капитализму, и ни к феодализму. Ученым еще предстоит определить, что за формация в российских условиях возникает на наших глазах.

⁴ Можно предположить, что переход в капиталистическую формацию произошел по причине мировоззренческой смены парадигмы отношения к капиталу: от накопления к инвестированию (от простого накопления к расширенному накоплению).

⁵ Есть успешные примеры трансдукции экономического знания одной национальной экономики в другую, например, внедрение западного и советского экономического знания в японскую экономику, советского и западного опыта в китайскую экономику при соблюдении одного нюанса: имплементируемые экономические знания были трансформированы под национальные экономические отношения.

скую экономику. Интерес предприятий к бережливому производству поддерживает государственное нацпроектное финансирование внедрения данной концепции. В случае прекращения государственного финансирования последует отказ от этой концепции.

Несоответствие экономического знания одного уровня экономики экономическому отношению другого уровня экономики

$$EK_r = (EK_{LEn} \stackrel{id}{=} ER_{LEn}) \neq ER_{LEm}, \quad (9)$$

где EK_{LEn} — экономическое знание экономического отношения соответствующего уровня экономики; ER_{LEn} — экономическое отношение данного уровня экономики; ER_{LEm} — экономическое отношение другого уровня экономики.

Это несоответствие возникает в случае применения экономического знания одного уровня экономики к экономическому отношению другого уровня экономики, например, когда макроэкономические задачи пытаются решить в рамках микроэкономического управленческого процесса [19].

Несоответствие экономического знания одного экономического отношения другому экономическому отношению

$$EK_r = EK_{ERn} \stackrel{id}{\neq} ER_m, \quad (10)$$

где EK_{ERn} — экономическое знание одного экономического отношения; ER_m — другое экономическое отношение.

Данное несоответствие возникает в случае попытки применения экономического знания одного экономического отношения к другому экономическому отношению. Чаще всего несоответствие возникает при отраслевой трансдукции экономического знания, когда пытаются применить экономическое знание отраслевого экономического отношения к экономическому отношению другой отрасли.

Несоответствие экономического знания экономического отношения одного пространства экономическому отношению другого пространства¹

¹ Модель социальных пространств (в рамках данной статьи модель экономических пространств) была введена автором при исследовании неэффективности применения финансовых инструментов в российской экономике, которую сложно объяснить в рамках других подходов. В модели социальных пространств автор выделил следующие иерархически вложенные в друг в друга пространства (от низшего к высшему): знаниевое, ресурсное, технологическое, финансовое [20; 21], в которых находятся те или иные социумы и их экономические системы.

$$EK_r = (EK_{ESn} \stackrel{id}{=} ER_{ESn}) \neq ER_{ESm}, \quad (11)$$

где EK_{ESn} — экономическое знание экономического отношения одного экономического пространства; ER_{ESn} — экономическое отношение данного экономического пространства; ER_{ESm} — экономическое отношение другого экономического пространства.

Пример данного несоответствия — использование финансовых инструментов, эффективно применяемых для регулирования американской экономики (учетная ставка, фондовый рынок и т. д.), соответствующих финансовому пространству, в котором находится США, в российской экономике, находящейся в ресурсном пространстве, где могут быть эффективными инструменты ресурсного регулирования.

Интерпретационное несоответствие экономического знания экономического отношения экономическому отношению²:

$$EK_r = (EK \neq EK_i) \neq ER, \quad (12)$$

где EK — изначальное экономическое знание экономического отношения; ER_i — интерпретация экономического знания экономического отношения; ER — экономическое отношение.

Интерпретационное несоответствие возникает в случае ошибочной интерпретации тождественного экономического знания. Возникает, в частности, при переводе экономического знания с одного языка на другой язык; например, в российской экономике применяется искаженное понимание кластера, возникшего из-за дополнения данного понятия в русскоязычном переводном издании, отсутствующего у М. Портера [22. С. 113].

В результате интерпретационного искажения кластера М. Портера, не предполагающего государственного вмешательства в кластерные отношения, в российской практике были предприняты активные государственные попытки построить кластеры, что противоречило самой сути кластера М. Портера.

Самый яркий исторический пример интерпретационного несоответствия — ситуация с запретом коноплеводства, когда, ссылаясь на Единую Конвенцию о наркотических средствах [23] коноплеводство было уничтожено, при этом анализ п. 2

² По аналогии с ложными друзьями переводчика можно предложить идею ложных друзей ученого — внешне схожих, но различных по сути идей, концепций, явлений, процессов, понятий и прочего, что требует отдельных исследований.

ст. 28 Конвенции¹ показывает, что запрет на коноплеводство отсутствует. Данная ситуация — пример ведомственной конкуренции в СССР, заменившей рыночную конкуренцию², когда хлопководство полностью вытеснило коноплеводство и почти полностью — льноводство (см. табл. 2)³ на основании умышленного интерпретационного несоответствия Конвенции.

¹ Приведем полный текст п. 2 ст. 28 Конвенции: «Настоящая Конвенция не применяется к растению каннабис, культивируемому исключительно для промышленных целей (волокно и семя) или для садоводства» [23].

² Рыночная конкуренция в советской экономике была невозможна по причине того, что советский народнохозяйственный комплекс представлял собой единое предприятие, где каждому отдельному выпуску товаров (продукции, услуг) соответствовали одно предприятие и/или одна производственная цепочка. Соответственно, когда существует единственное предприятие и/или производственная цепочка, рыночная конкуренция невозможна, по определению, из-за отсутствия конкурирующих субститутивных предприятий и/или производственных цепочек. Именно данный факт не учли (или, наоборот, учли) гайдаровские реформаторы, когда объявили рыночную экономику, которая привела к полной монополизации всех секторов экономики, что вызвало системное обрушение российской экономики и откат России из технологического пространства в ресурсное пространство. Вместо рыночной конкуренции в советской экономике возник ее суррогат — ведомственная конкуренция, когда судьбу той или иной производственной цепочки решал не потребитель, а номенклатура.

³ Возможно, в условиях советской экономики это было правильное управленческое решение, так как конопля, хлопок и лен являются конкурирующими субститутами, при этом конопля и лен выращивались в промышленно развитых районах СССР (особенно в РСФСР), а хлопок производился в экономически неразвитых республиках Средней Азии. Соответственно, производить рыночно конкурирующие субституты в условиях советской экономики было нецелесообразно; кроме того, необходимо было развивать республики Средней Азии, генетически неспособные к промышленному производству из-за того, что среднеазиатские государственные образования возникли как неотъемлемый сервисный феномен Великого шелкового пути. Поэтому выбор был сделан в пользу производства хлопка. В результате развала СССР Россия осталась без собственного производства технических культур и стала зависеть от нестабильной Средней Азии. Таким образом, России для самообеспечения техническими культурами, в первую очередь для производства тканей, необходимо возрождение, в первую очередь коноплеводства как многоцелевой культуры. Немаловажен и экологический аспект коноплеводства, поскольку конопля может полностью заменить древесину в целлюлозном производстве, при этом продуктивность конопли выше, чем леса.

Таблица 2

**Посевные площади
(во всех категориях хозяйств), млн га**

Культура	1960	1970	1980	1985	1986
Хлопчатник	2,19	2,75	3,15	3,32	3,47
Лен-долгунец	1,62	1,28	1,12	1,01	0,98
Конопля	0,35	0,20	0,13	0,10	0,09

Источник: составлено на основании [24].

К интерпретационному несоответствию экономического знания можно отнести контекстное искажение экономического знания, возникающего в результате применения и трактовки того или иного утверждения и/или части утверждения, буквально вырванного из контекста определенного текста в отношении предлагаемого (доказуемого) экономического знания⁴.

Идеологическое искажение экономического знания⁵

$$EK_f = EK_i = f(I) \neq ER, \quad (13)$$

где I — идеология (ideology).

⁴ Контекстное искажение экономического знания, и не только его, возникает в результате: 1) аксиоматического строения современного знания, основанного на изначально недоказуемых (недоказанных) основаниях, принятых на веру, в этом отношении наука и религия равнозначны; 2) примата догматического доказательства над иными, когда ссылка на авторитетный источник изначально предполагает весомость аргументации по сравнению с другими, поэтому средневековый европейский ученый всегда был вынужден обосновывать свою позицию ссылкой на Библию; 3) достаточно сложно понять, что имел в виду автор, поскольку он в течение своей жизни неоднократно корректировал то или иное утверждение; соответственно, чтобы верно отразить позицию цитируемого автора, необходимо понять не только контекст развития его понимания относительно того или иного утверждения, но и как минимум: 1) контекст общественных отношений (ситуативный контекст), в которых формировалось знание; 2) вербальный контекст, в том числе текстовое оформление данного знания; 3) языковой контекст, что в принципе сложно осуществить. Отсюда возникает проблема адекватного отражения позиции цитируемого автора.

⁵ Отметим, что определенную логическую нестыковку практического применения основного принципа марксизма, согласно которому базис (экономическое отношение) определяет надстройку (идеологию). В реальности марксисты, по крайней мере советские, пытались на практике применить обратный, не предусмотренный марксизмом принцип, когда надстройка (идеология) определяла базис (экономическое отношение), пытаясь ускорить эволюцию экономических отношений, из-за чего произошло накопление системных ошибок, приведшее к краху советского коммунистического эксперимента (не первого и не последнего). Отсюда вопрос: насколько был марксистским советский марксизм?

Это самое опасное основание экономического мифа, так как идеологическое влияние, например, реализуемое через институт политики, присутствует в любом экономическом знании и оказывает искажающее влияние на экономические отношения¹.

Само понимание идеологии в науке разнопланово и противоречиво, вплоть до полного отрицания данного феномена.

Например, «идеология — система концептуально оформленных представлений и идей, которая выражает интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики — классов, наций, общества, политических партий, общественных движений» [26].

У А. М. Орехова и Ф. Н. Ахмедова две трактовки экономической идеологии:

— система утверждений и убеждений относительно экономических фактов и явлений;

— система утверждений и убеждений, выражающих отношение людей к различным хозяйственным процессам [27. С. 91].

По К. Марксу, мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями, тем самым тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила [28. С. 45]², то есть эко-

¹ Возникает вопрос системного изучения влияния идеологии на экономику, что приводит к необходимости развития новой отрасли экономического знания — идеологической экономики, предмет которой — влияние идеологии на экономику. Отметим, что термин «идеологическая экономика» впервые применил М. Джилас [25] в контексте критики коммунистической экономики, а не отдельного научного явления. Следует отличать идеологическую экономику от политэкономии, имеющей многозначное толкование своего предмета, в зависимости от политических предпочтений, и обосновывающая экономическими методами такое предпочтение; соответственно, политэкономия — наука, изучающая экономику в контексте политики.

² Отметим, что труды К. Маркса и Ф. Энгельса в конечном счете явились ядром марксистской мифологии, возможно, по причине того, что, как отмечал Ф. Энгельс, что главный упор они делали, и должны были делать, сначала на выведение политических, правовых и прочих идеологических представлений и обусловленных ими действий из экономических фактов, лежащих в их основе; они (К. Маркс и Ф. Энгельс. — *Примеч. авт.*) пренебрегли вопросом о форме: какими путями идет образование этих представлений и т. п. [29. С. 82], тем самым оставив большое поле деятельности интерпретаторов воззрений К. Маркса.

номическое доминирование социальной группы (по Марксу — класса) ведет к доминированию в сфере нематериального, которое всегда оформляется в определенную идеологию, позволяющую максимизировать выгоды доминирующей социальной группы. При этом, по Ф. Энгельсу, идеология — это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным [29. С. 83].

А. А. Зиновьев считал, что наука не идеология, а идеология не наука, так как, задача науки — познавать мир, поставлять обществу знания обо всем, что интересует людей и важно для их жизни, разрабатывать методы получения новых знаний и их использования, а задача идеологии — организация общественного сознания, управление людьми путем воздействия на их сознание и приведения их сознания к некоторому общественному стандарту, воспитание масс населения в духе, необходимом для самосохранения общества, выработка стандартных «координат» ориентации людей в окружающем мире [30. С. 78]³.

В. З. Баликоев утверждает, что экономическая теория по своему содержанию не может не носить идеологического характера [31. С. 2].

Н. И. Гульбина и Т. Ю. Артибякина отмечают, что идеология упоминается многими исследователями, вплоть до ее отрицания [32].

П. С. Лемещенко выделяет два способа проникновения идеологии в экономику: через гипотетическую и интуитивную веру в экономическую теорию⁴; закладывание элемента идеологии в парадигмальную основу экономической теории [33. С. 34].

В. И. Якунин, В. Э. Багдасарян, С. С. Сулакшин показывают влияние идеологии либерализма на мифологизацию экономических отношений [34].

По В. В. Кулешову и Вс. В. Кулешову, в современных обстоятельствах построение свободной рыночной экономики является мифом, существующим только в рамках идеологизированной экономической теории [35. С. 21].

С. К. Оралбаева считает необходимым применение идеологии в экономике [36]. По мнению О. Н. Сафоновой и А. В. Фролова, необходимо применение нравственных начал в экономике [37].

³ Так как предмет науки — это феномены, а идеология — общественный феномен, то идеология — это наука и требует научного подхода в изучении.

⁴ Тем самым экономическая мифология формирует экономическую идеологию, которая влияет на экономику.

Н. А. Винокурова исследует трансформацию идеологических убеждений славянофильства и западничества в идеологические убеждения современных экономических либералов и консерваторов [38].

В. С. Козьмин постулирует смену идеологических приоритетов в связи с переходом на шестой технологический уклад [39].

М. Е. Косов применил идеологический подход в исследовании нелегальной экономики [40].

Д. Г. Александров показал влияние российской элиты на дисфункциональность национальной экономики [41].

Применимо к исследованию идеологической экономики исследование эволюции об идеологии в политической теории Е. А. Масловой [42].

Г. Б. Арутюнов и Т. Н. Юдина [43], М. С. Журавлев и Ю. В. Солопова [44] отмечают положительное влияние конфуцианства на китайскую экономику.

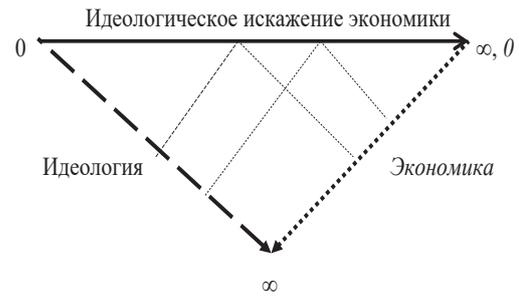
То есть экономическая идеология — это система воззрений, искажающая экономические отношения, а идеологическая экономика — идеологически искаженные экономические отношения.

Идеологизация советской экономики привела к ее катастрофе, так как от ряда экономических отношений отказывались и/или преследовали.

Так как экономические отношения объективны и определяющи для социума, их игнорирование привело к созданию параллельной экономики и, соответственно, параллельного общества¹. То есть в одном социуме возникли две конфликтующие экономические subsystemы.

Результат предсказуем: параллельная экономика по объективным причинам победила идеологическую экономику, так как более соответствовала экономическим отношениям².

Влияния идеологии на экономику можно выразить следующей схемой — треугольником идеологической экономики:

Соотношения идеологии и экономики

Примечание: разработано автором.

По рисунку, увеличение влияния идеологии на экономику приводит к увеличению идеологического искажения экономики, при уменьшении влияния идеологии идеологическое искажение экономики уменьшается.

Чаще всего в экономической науке используется контекстуальное понимание экономической мифологии, которое предполагается на основе перечисления тех или иных экономических мифов.

Выделим следующие интерпретации экономической мифологии:

— экономическая мифология как совокупность или система мифов [7. С. 17; 45; 46];

— экономическая мифология как способ осмысления экономических отношений [47].

Можно рассматривать экономическую мифологию, что отмечено выше, как феномен и как процесс.

Экономическая мифология как феномен — совокупность экономических мифов в виде устойчивого суперкластера контекстного нетождественного экономического знания, состоящего из совокупности взаимосвязанных и подтверждающих друг друга кластеров экономических знаний экономических отношений.

Экономическая мифология как процесс — мифологизация (мифотворчество), то есть создание устойчивого кластера (суперкластера) контекстного нетождественного экономического знания экономического отношения (отношений).

Можно выделить определенный массив конечных базовых экономических мифов, соответствующих конечным базовым экономическим отношениям³. Существующие мифы являются упаковкой (перупаковкой) базовых экономических мифов в некотором контексте.

¹ В результате возникла некая общественная шизофрения по причине одновременного нахождения общества в двух конкурирующих сферах общественных отношений.

² Мифологизация экономических отношений характерна для любых моделей экономических отношений. В результате катастрофы советской экономики произошло замещение советского экономического мифа либеральным экономическим мифом. В немалой степени экономическим мифотворчеством занимаются ученые, которые подводят экономическое обоснование под любую идеологию. Экономические исследования системно и контекстно ограничены той или иной экономической идеологией, которой придерживаются исследователи.

³ Данный тезис требует отдельных исследований, выходящих за рамки настоящей статьи. Возможно выделение базовой экономики, изучающей базовые экономические отношения, относительно которой контекстно формируются виды экономик. Базовую экономику следует отличать от существующих основ экономики (basic economics) и экономической теории.

По степени актуализации можно выделить экономические мифы:

— неактуализированные — экономические мифы «спящие», временно выключенные из оборота экономического знания;

— актуализирующиеся — экономические мифы, входящие и/или вводимые в оборот экономического знания;

— деактуализирующиеся — экономические мифы, выходящие/выводимые из оборота экономического знания;

— актуализированные — экономические мифы, находящиеся в активном обороте экономического знания¹.

¹ Экономический миф может стать тождественным экономическим знанием в случае пробуждения тех общественных отношений в рамках которых экономический миф был тождественным экономическим знанием. В этом заключается ценность изучения эко-

Современная экономическая мифология² — актуализированные экономические мифы в контекстах определенных социальных отношений, являются доказательной базой данных контекстов.

Существует серьезное влияние экономического мифа на экономические отношения, требующее более пристального изучения экономических мифов.

номических мифов, представляющих собой не только массив экономических знаний, но и алгоритм экономических отношений в актуальном контексте.

² В случае применения аббревиатуры получится достаточно тонкая аллюзия: современная экономическая мифология — СЭМ, что намекает на доминирующий источник современных экономических мифов и доминирующие экономические мифы, в случае перевода данного термина на английский: modern economic mythology — МЕМ, характеризующая миф как социально значимую смысловую конструкцию нетождественного экономического знания.

Список литературы

1. Ямилов Р. М. Цифровая управленческая платформа как способ решения управленческого кризиса в современном мире // Гуманитарные научные исследования. 2019. № 3. URL: <http://human.snauka.ru/2019/03/25700> (дата обращения 27.03.2020).
2. Ямилов Р. М. Комбинаторный маркетинг как основа эффективных стратегий экономического субъекта // Практический маркетинг. 2016. № 1 (227). С. 3—10.
3. Ямилов Р. М. Комбинаторный маркетинг // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 11. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/11/58921> (дата обращения 07.06.2020).
4. Packowski J. LEAN Supply Chain Planning: The New Supply Chain Management Paradigm for Process Industries to Master Today's VUCA World. CRC Press, 2013. 481 p.
5. Heller J. Resilienz für die VUCA-Welt. Springer Fachmedien Wiesbaden, 2019. 285 S.
6. Kok J. (K.), Heuvel S. C. van den. Leading in a VUCA World // Springer Intern. Publ., 2019. 221 p.
7. Горшков А. В. Экономический миф: сущность, формы, функции // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 19. С. 12—20.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984. 797 с.
9. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев [и др.]. М., 1983. 840 с.
10. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М., 1990.
11. Гуриев С. М. Мифы экономики: заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. М.: Юнайтед Пресс, 2010. 304 с.
12. Стереотип. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/416594458921> (дата обращения 07.08.2020).
13. Lippmann W. Public Opinion. New York: Harcourt, Brace & Co., 1922.
14. Стереотипное мышление. URL: <https://psihomed.com/stereotipnoe-myshlenie/> (дата обращения 07.08.2020).
15. Карелов С. Алгоритм научили имитировать предвзятости людей URL: https://medium.com/@sergey_57776/алгоритм-научили-имитировать-предвзятости-людей-60c666d1899b (дата обращения 07.08.2020).
16. Ушко Е. В. Экономические мифы, стереотипы и парадоксы социально-экономического развития // Экономические исследования: интернет-журн. 2012. № 1 (12). URL: <https://www.erce.ru/internet-magazine/magazine/29/419/> (дата обращения 07.09.2020).
17. Ямилов Р. М. Комплексный экономический субъект: генезис структурных преобразований // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2016. Т. 26, № 5. С. 73—82.

18. Мелетинский Е. М. Миф и двадцатый век // Избранные статьи. Воспоминания. М., 1998.
19. Ямилов Р. М. Пространственная деформация управленческого процесса (на примере Удмуртской Республики) // Региональная экономика и управление: электрон. науч. журн. 2016. № 4 (48). С. 455—469. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29116392_26992776.pdf (дата обращения 07.09.2020).
20. Ямилов Р. М. Темпоральная экономика: некоторые аспекты прогнозирования внешней среды экономического субъекта // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2015. № 2. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2015/02/7306> (дата обращения 13.09.2020).
21. Ямилов Р. М. Менеджмент деформаций: средовой подход в методологии исследований отклонений и искажений управленческого процесса // Наукоедение: интернет-журн. 2016. Т. 8, № 5. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/96EVN516> (дата обращения 07.08.2020).
22. Ямилов Р. М. Понятие кластера как субъекта рыночных отношений // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2015. Т. 25, № 1. С. 110—118.
23. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года (с изм. на 25 марта 1972 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900371> (дата обращения 07.09.2020).
24. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. URL: <http://istmat.info/node/9278> (дата обращения 07.09.2020).
25. Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992. 544 с.
26. Идеология // Новая философская энциклопедия: в 4 т. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHbb6fc2dd8032798c2096bb> (дата обращения 07.09.2020).
27. Орехов А. М., Ахмедов Ф. Н. Экономическая идеология: опыт интерпретации // Социум и власть. 2013. № 6 (44). С. 90—95.
28. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. Изд. 2. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. 650 с.
29. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 49. Изд. 2. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1966. 747 с.
30. Зиновьев А. А. Русская трагедия. М.: Алгоритм, 2014. 464 с.
31. Баликоев В. З. Идеология в экономической теории: за или против // Инновационная экономика и общество. 2014. № 3 (5). С. 2—8.
32. Гульбина Н. И., Артибякина Т. Ю. Идеология и экономическая наука // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2015. № 1 (29). С. 31—41.
33. Лемещенко П. С. Институт идеологии в экономике // Oikonomos: Journal of Social Market Economy. 2016. № 3 (6). С. 17—38.
34. Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Идеология экономической политики: проблема российского выбора: монография. М.: Науч. эксперт, 2008. 288 с.
35. Кулешов В. В., Кулешов В. В. Идеологические мифы современной экономической теории и реальность // Проблемы прогнозирования. 2017. № 1 (160). С. 17—21.
36. Оралбаева С. К. Идеологические основания развития экономики // Инновационные технологии на транспорте: образование, наука, практика: материалы ХLI Междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 453—457.
37. Сафонова О. Н., Фролов А. В. «Экономикс» и «домостроительство». Нравственная и идеологическая основа экономики // Проблемы современной экономики. 2014. № 2 (50). С. 72—76.
38. Винокурова Н. А. Идеологические убеждения в экономике: от славянофилов и западников XIX века к современным экономическим либералам и консерваторам // Анализ и моделирование экономических и социальных процессов: Математика. Компьютер. Образование. 2017. Т. 24, № 5. С. 130—138.
39. Козьмин В. С. Глобализация и смена идеологических приоритетов в концепциях развития современного общества // Развитие экономики и предпринимательства в условиях экономических стратегий импортозамещения: материалы междунар. науч.-практ. конф.: сб. науч. ст. преподавателей, аспирантов и студентов / под ред. В. И. Малышкова. М., 2015. С. 146—147.
40. Косов М. Е. Идеологический подход в исследовании нелегальной экономики // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 7.
41. Александров Д. Г. Влияние российской элиты на дисфункциональность национальной экономики // Инновации и инвестиции. 2019. № 11. С. 361—363.
42. Маслова Е. А. Эволюция представлений об идеологии в политической теории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6 (1). С. 315—319.

43. Арутюнов Г. Б., Юдина Т. Н. Конфуцианство как философия хозяйства и эволюция китайской экономической мысли в ходе модернизации (конец 1970-х гг. — по настоящее время) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 7 (13). С. 41—48.

44. Журавлев М. С., Солопова Ю. В. Влияние конфуцианства на экономику Китая // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. 2020. № 1. С. 339—342.

45. Вайнгорт В. Л. Трансформация социально-экономических мифов в постсоветском обществе (на примере Эстонии) // Публичная политика. 2018. № 1. С. 125—137.

46. Нефедова Т. Г. Трансформация сельского хозяйства России: мифология и реальность // Мир России. Социология. Этнология. 2013. Т. 22, № 1. С. 29—60.

47. Раквиашвили А. А. Экономическая мифология. URL: <http://media.msu.ru/?cat=413> (дата обращения 07.09.2020).

Сведения об авторе

Ямилов Рамиль Могатович — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и гуманитарные науки» Сарапульского политехнического института (филиала) Ижевского государственного технического университета им. М. Т. Калашникова, Россия, Сарапул. jaramo@mail.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. № 6 (452). *Economic Sciences. Iss. 73. Pp. 18—31.*

MODERN ECONOMIC MYTHOLOGY: IDENTIFICATION OF THE PHENOMENON IN THE CONTEXT OF MODERN ECONOMIC RELATIONS

R. M. Yamilov

*Sarapul Polytechnic Institute (branch) of Kalashnikov Izhevsk State Technical University,
Sarapul, Russia. jaramo@mail.ru*

The article deals with economic mythology. The identity of economic knowledge is considered. Economic prejudices, economic stereotypes, and economic myths are highlighted. The signs of economic prejudice, economic stereotype, and economic myth are considered. Some features of the economic myth, economic stereotype, and economic prejudice are compared. A scheme for the development of the economic myth is proposed. The concept of “economic myth” is investigated. The author’s interpretation of the concept of “economic myth” is given. The economic myth in the broad sense and the economic myth in the narrow sense are distinguished. The article considers the reasons for the emergence of the economic myth. The concept of “non-essential economic knowledge” is introduced. Special attention is paid to the ideological distortion of economic knowledge. The ideological economy is considered.

Keywords: *myth, economic myth, economic stereotype, economic prejudice, economic ideology, ideological economy.*

References

1. Yamilov R. M. (2019) *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, no 3. Available at: <http://human.snauka.ru/2019/03/5700>, accessed 27.03.2020 [in Russ.].
2. Yamilov R. M. (2016) *Prakticheskij marketing*, no. 1 (227), pp. 3—10 [in Russ.].
3. Yamilov R. M. (2015) *Kombinatornyj marketing*, no. 11. Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2015/11/58921>, accessed 07.06.2020 [in Russ.].
4. Packowski J. (2013) *LEAN Supply Chain Planning: The New Supply Chain Management Paradigm for Process Industries to Master Today’s VUCA World*. CRC Press. 481 p.
5. Heller J. (2019) *Resilienz für die VUCA-Welt*. Springer Fachmedien Wiesbaden. 285 S.
6. Jacobus (Kobus) Kok, Steven C. van den Heuvel (2019) *Leading in a VUCA World*. Springer International Publ. 221 p.
7. Gorshkov A. V. (2007) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 19, pp. 12—20 [in Russ.].

8. Ozhegov S. I. (1984) Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. Moscow. 797 p. [in Russ.].
9. Filosofskij enciklopedicheskij slovar' (1983) [Philosophical encyclopedic dictionary] Moscow. 840 p. [in Russ.].
10. Losev A. F. (1990) Dialektika mifa [Dialectics of myth]. Moscow [in Russ.].
11. Guriev S. M. (2010) Mify ekonomiki: zabluzhdeniya i stereotipy, kotorye rasprostranyayut SMI i politiki [Economic myths: misconceptions and stereotypes spread by the media and politicians]. Moscow, Yunajted Press. 304 p. [in Russ.].
12. Stereotip [Stereotype]. Bol'shaya rossijskaya enciklopediya. Available at: <https://bigenc.ru/philosophy/text/416594458921>, accessed 07.08.2020 [in Russ.].
13. Lippmann W. (1922) Public Opinion. New York, Harcourt, Brace & Co.
14. Stereotipnoe myshlenie [Stereotypical washing]. Available at: <https://psihomed.com/stereotipnoe-myshlenie/>, accessed 07.08.2020 [in Russ.].
15. Karelov S. Algoritm nauchili imitirovat' predvzyatosti lyudej [The algorithm was taught to mimic people's biases]. Available at: https://medium.com/@sergey_57776/algoritm-nauchili-imitirovat'-predvzyatosti-lyudej-60c666d1899b, accessed 07.08.2020 [in Russ.].
16. Ushko E. V. (2012) *Ekonomicheskie issledovaniya*, no. 1 (12). Available at: <https://www.erce.ru/internet-magazine/magazine/29/419/>, accessed 07.09.2020 [in Russ.].
17. Yamilov R. M. (2016) *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i parvo*, vol. 26, no. 5, pp. 73—82 [in Russ.].
18. Meletinskij E. M. (1998) Izbrannye stat'i. Vospominaniya. [Selected article. Memories]. Moscow [in Russ.].
19. Yamilov R. M. (2016) *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyj nauchnyj zhurnal*, no. 4 (48), pp. 455—469. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_29116392_26992776.pdf, accessed 07.09.2020 [in Russ.].
20. Yamilov R. M. (2015) *Ekonomika i menedzhment innovacionnyx texnologij*, no. 2. Available at: <http://ekonomika.snauka.ru/2015/02/7306>, accessed 13.09.2020 [in Russ.].
21. Yamilov R. M. (2016) *Internet-zhurnal "NAUKOVEDENIE"*, vol. 8, no 5. Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/96EVN516>, accessed 13.09.2020 [in Russ.].
22. Yamilov R. M. (2015) *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo*, vol. 25, no. 1, pp. 110—118 [in Russ.].
23. Edinaya konvenciya o narkoticheskix sredstvax 1961 goda s popravkami, vnesennymi v nee v sootvetstvii s Protokolom 1972 goda o popravkax k Edinoj konvencii o narkoticheskix sredstvax 1961 goda (s izmeneniyami na 25 marta 1972 goda) [Single Convention on narcotic drugs, 1961, as amended by the 1972 Protocol amending the Single Convention on narcotic drugs, 1961 (as amended on 25 March 1972)]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/1900371>, accessed 13.09.2020 [in Russ.].
24. Narodnoe khozyajstvo SSSR za 70 let. Yubilejnyj statisticheskij ezhegodnik [National economy of the USSR for 70 years. Jubilee statistical Yearbook]. Available at: <http://istmat.info/node/9278>, accessed 07.09.2020 [in Russ.].
25. Dzhilas M. (1992) Liczo totalitarizma [The face of totalitarianism]. Moscow, Novosti. 544 p. [in Russ.].
26. Ideologiya [Ideology]. Novaya filosofskaya enciklopediya v 4 t. [New philosophical encyclopedia in 4 vol.]. Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHbb6fc2dd8032798c2096bb>, accessed 07.09.2020 [in Russ.].
27. Orechov A. M., Achmedov F. N. (2013) *Socium i vlast'*, no. 6 (44), pp. 90—95 [in Russ.].
28. Marx K., Engels F. (1955) Sochineniya [Essays]. Vol. 3. Moscow. 650 p. [in Russ.].
29. Marx K., Engels F. (1966) Sochineniya [Essays]. Vol. 49. Moscow. 747 p. [in Russ.].
30. Zinov'ev A. A. (2014) Russkaya tragediya [Russian tragedy]. Moscow, Algorithm. 464 p. [in Russ.].
31. Balikoev V. Z. (2014) *Innovacionnaya ekonomika i obshchestvo*, no. 3 (5), pp. 2—8 [in Russ.].
32. Gul'bina N. I., Artibyakina T. Yu. (2015) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, no. 1 (29), pp. 31—41 [in Russ.].
33. Lemeshhenko P. S. (2016) *Oikonomos: Journal of Social Market Economy*, no. 3 (6), pp. 17—38 [in Russ.].
34. Yakunin V. I., Bagdasaryan V. E., Sulakshin C. C. (2008) Ideologiya ekonomicheskoy politiki: problema rossijskogo vybora [Ideology of economic policy: the problem of Russian choice]. Moscow. 288 p. [in Russ.].
35. Kuleshov V. V., Kuleshov Vs. V. (2017) *Problemy prognozirovaniya*, no. 1 (160), pp. 17—21 [in Russ.].

36. Oralbaeva S. K. (2017) Innovacionnye tekhnologii na transporte: obrazovanie, nauka, praktika [Innovative technologies in transport: education, science, practice]. Pp. 453—457 [in Russ.].
37. Safonova O. N., Frolov A. V. (2014) *Problemy sovremennoj ekonomiki*, no. 2 (50), pp. 72—76 [in Russ.].
38. Vinokurova N. A. (2017) *Analiz i modelirovanie ekonomicheskix i social'nykh processov: Matematika. Komp'yuter. Obrazovanie*, vol. 24, no. 5, pp. 130—138 [in Russ.].
39. Koz'min V. S. (2015) Razvitie ekonomiki i predprinimatel'stva v usloviyax ekonomicheskix strategij importozameshheniya [Economic and entrepreneurship development in the context of economic import substitution strategies]. Pp. 146—147 [in Russ.].
40. Kosov M. E. (2011) *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, no. 7 [in Russ.].
41. Aleksandrov D. G. (2019) *Innovacii i investicii*, no. 11, pp. 361—363 [in Russ.].
42. Maslova E. A. (2011) *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, no. 6 (1), pp. 315—319 [in Russ.].
43. Arutyunov G. B., Yudina T. N. (2011) *Nauka i obrazovanie: xozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, no. 7 (13), pp. 41—48 [in Russ.].
44. Zhuravlev M. S., Solopova Yu. V. (2020) *Vestnik Tul'skogo filiala Finuniversiteta*, no. 1, pp. 339—342 [in Russ.].
45. Vajngort V. L. (2018) *Publichnaya politika*, no. 1, pp. 125—137 [in Russ.].
46. Nefedova T. G. (2013) *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*, vol. 22, no. 1, pp. 29—60 [in Russ.].
47. Rakviashvili A. A. Ekonomicheskaya mifologiya [Economic mythology]. Available at: <http://media.msu.ru/?cat=413>, accessed 07.09.2020 [in Russ.].